

На правах рукописи

Зубов Артем Александрович

**СТАНОВЛЕНИЕ ПОПУЛЯРНОГО ЖАНРА
КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ПРОЦЕСС:
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2016

Работа выполнена на кафедре общей теории словесности (дискурса и коммуникации) филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель:

доктор филологических наук
профессор,
Венедиктова Татьяна Дмитриевна

Официальные оппоненты:

Головачева Ирина Владимировна,
доктор филологических наук
профессор,
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
Государственный Университет (СПбГУ)»,
доцент

Поселягин Николай Владимирович,
кандидат филологических наук,
журнал «Новое литературное обозрение»,
редактор отдела «Теория»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Российский Государственный
Гуманитарный Университет (РГГУ)»

Защита состоится « 19 » мая 2016 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.32 при ФГБОУ ВО «Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова» и на сайте филологического факультета <http://www.philol.msu.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Общая характеристика работы

В данном диссертационном исследовании ставится вопрос о **дискурсивных механизмах становления и формирования жанров популярной литературы**. Эта работа осуществляется в русле прагматической теории жанров, предполагая ее дальнейшую разработку и конкретизацию применительно к исследуемому материалу – жанру научной фантастики. Прагматический подход к категории жанра фокусируется именно и прежде всего на коммуникативном аспекте текста и тем самым составляет альтернативу сосредоточению на формально-содержательных характеристиках текстов, объединяемых на этой основе в жанровые единства (такой подход можно назвать эссенциалистским), или внутренних логиках организации текстов как замкнутых в себе знаковых систем (семиотический или структуралистский подходы). Прагматический подход нацелен на исследование «факторов художественного впечатления» (М.М. Бахтин)¹. Локусом «факторов художественного впечатления» является воспринимающее сознание, как индивидуальное, так и коллективное, иначе говоря – сообщества читателей, объединенных общими практиками, имплицитными знаниями и механизмами их коммуникации. Можно сказать, что в рамках прагматики жанр рассматривается как семиотический знак, в котором означающее – «жанровое имя», а означаемое – «жанровое понятие» или корпус текстов, репрезентирующих жанр². Объектом исследования при этом становятся логики жанровой номинации, действующие в рамках тех или иных сообществ читателей в соответствии с разделяемыми ими общими коммуникативными целями. Прагматический подход представляет собой относительно новое направление жанрологии, набирающее силу и в академическом литературоведении, и в фантастоведении (относительно молодая отрасль гуманитарного знания, охватывающая обширное поле междисциплинарных исследований, в которое входит изучение поэтики и функционирования фантастической литературы, кино, фотографии, видеоигр и других медийных практик). Задача диссертации – уточнить и развить прагматическую теорию жанрообразования, исследовав становление жанра научной фантастики в России в конце XIX – начале XX века.

Актуальность работы обусловлена тем, что мы, во-первых, обращаемся к прагматической парадигме жанрологии и предлагаем проследить ее сильные и слабые стороны и, во-вторых, в свете ее посылок по-новому рассматриваем конкретный сегмент журнальной культуры России рубежа XIX-XX веков. В поле нашего внимания попадают агенты литературного процесса (издатели, критики, писатели, читатели), составлявшие цельное (дискурсивное) сообщество, объединенное единством дискурсивных механизмов

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 47.

² Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? М., 2010. С. 187.

коммуникации. Популярны литературные журналы и журналы популярной науки, собиравшие вокруг себя читателей, заинтересованных в современном научно-техническом прогрессе, оказались благоприятной средой, в которой происходило формирование художественного хронотопа, получившего впоследствии жанровое имя «научная фантастика».

Цели и задачи исследования. *Теоретической целью* настоящей работы является разработка методологии анализа механизмов становления жанров популярной литературы в русле прагматического подхода. *Практическая цель* состоит в применении обозначенной методологической матрицы к конкретному материалу (научно-популярным журналам, издававшимся в России в конце XIX – начале XX века). Таким образом, общая **задача исследования** состоит в выявлении закономерностей и взаимозависимостей между механизмами функционирования дискурсивных сообществ и процессом становления жанра популярной литературы – научной фантастики.

Предметом исследования выступают механизмы формирования жанра научной фантастики в той мере, в которой они обусловлены деятельностью читательских сообществ, складывающихся вокруг научно-популярных журналов в России в конце XIX – начале XX века. Пристальное внимание в рамках исследования уделяется журналам издательства П.П. Сойкина. Этот выбор обусловлен тем, что именно на страницах журналов этого издательства впервые появляется словосочетание «научно-фантастический» как устойчивое и повторяющееся жанровое обозначение, отсылающее к узнаваемому корпусу текстов.

Материал исследования – публикации в следующих журналах издательства Сойкина: «Природа и люди», «Мир приключений», «Всемирный следопыт».

Теоретической базой работы являются исследования в области прагматики речевых и литературных жанров и теоретические фантастоведческие работы. Возникший в 1980-е и набравший силу в 1990-е годы прагматический подход в жанрологии нередко рассматривается как дальнейшая разработка предложенных М.М. Бахтиным понятий «речевой жанр» и «высказывание». Это направление мысли развивается в работах Х.-Р. Яусса, Р. Козна, Дж. Суэйлза, В.И. Тюпы и других западных и отечественных ученых. В частности, Дж. Суэйлз – вслед Бахтину – видит в жанре типическое высказывание, направленное на достижение коммуникативной цели говорящего как представителя дискурсивного сообщества, а с точки зрения В.И. Тюпы, жанр – это «инвариант одноименного дискурса»³. Понятие дискурсивного сообщества («сообщества риторических агентов, взаимоопределяемых общими

³ Тюпа В.И. Дискурс и жанр. М., 2013. С. 16.

коммуникативными целями и репертуаром используемых жанров»⁴) – ценный инструмент изучения жанров популярной литературы в их становлении и динамике⁵. В рамках фантастоведения вопросы о социо-дискурсивной природе жанра, а также о жанре как риторическом действии впервые привлекли внимание ученых в конце 1990-х годов. Этот подход получил пока лишь ограниченное развитие в работах исследователей, по преимуществу западных (в частности, Г. Уэстфала и Дж. Ридера).

Научная новизна работы состоит в постановке вопроса о генезисе жанра научной фантастики в России в свете прагматического подхода жанрологии и в русле плотного взаимодействия литературоведческих методов анализа с методами смежных дисциплин (дискурсологии, социологии и культурологии). Изучение процессов и механизмов жанрогенеза представляется невозможным без пристального изучения прагматики жанра, обусловленного социальным и культурным контекстами.

Практическое применение результатов исследования состоит в возможности подготовки лекционного курса по теоретической поэтике популярных жанров литературы в целом и научно-фантастической литературы в частности. Такой курс может стать прочным фундаментом для дальнейших исследований в области теории и истории популярных жанров.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав (две теоретические главы и две практические), заключения, приложения и списка использованной литературы.

Базовые понятия исследования:

1. **Жанр** в дискурсологическом аспекте – **социо-риторическое действие, опознаваемое в рамках определенного сообщества и направленное на достижение коммуникативных целей его участников;**
2. **Дискурсивное сообщество** – **социо-риторическая группа, участники которой преследуют общие коммуникативные цели, достигаемые через использование жанров дискурса.**

⁴ Swales J.M. Genre Analysis. N.Y., 1990. P. 9.

⁵ Схожие проблемы ставила перед собой О. А. Симонова, автор диссертации «Массовая беллетристика в структуре женских журналов 1910-х гг.», защищенной в 2008 г. в ИМЛИ им. А.М. Горького. В рамках исследования автор рассматривает дискурсивные механизмы формирования «женской прозы» в России. Становление этого феномена, по мысли автора, происходило на базе женских журналов начала XX века. О.А. Симонова предлагает анализировать журналы как единый дискурсивный конструкт, каждый элемент которого может быть адекватно понят только лишь в общем контексте. Именно совокупность этих элементов, утверждает диссертантка, способствовала созданию и удержанию формы литературного явления «женская проза».

Положения и понятия, выносимые на защиту:

1. В рамках данного исследования формулируется и проверяется гипотеза, что становление **жанра популярной литературы «научная фантастика»** происходило в рамках дискурсивного сообщества, сформировавшегося в России в 1890-1920-е годы вокруг научно-популярных журналов и журналов популярной литературы издательства П.П. Сойкина;
2. Процесс **жанрогенеза** представляется **комплексным процессом взаимодействия дискурсивных агентов и практик, кульминация которого – формирование особого художественного хронотопа и обретение им жанрового имени.**

Апробация работы. Основные теоретические положения и практические результаты диссертационного исследования отражены в публикациях автора, а также апробированы в докладах на следующих научных конференциях и круглых столах: Всероссийская научная конференция молодых ученых «Проблемы современной научной фантастики» (Казань, 2015), Межрегиональная книжная выставка-ярмарка «Тверской переплет» (Тверь, 2015), «Медиа в современном мире. 54-е Петербургские чтения. (Круглый стол «Научно-популярная журналистика)» (СПбГУ, 2015), «Третья международная конференция MELTA» (МПГУ, 2014), «Современные подходы в культурологии V» (круглый стол «Культурная история технологии», РГГУ, 2013), «Ломоносов – 2013» (два доклада) (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013), «Понимание дискурса в различных профессиональных средах» (МГУ, 2013), «Вторые Лемовские чтения» (Самара, 2013), «XLII Международная филологическая конференция» (СПбГУ, 2013), «Выставка достижений научного хозяйства» (круглый стол «История технологии», ЕУСПб, 2012), «Стратегии вербализации и визуализации социо-культурных практик» (Казань, 2011). Положения и материал исследования также были представлены на ряде практических занятий и аспирантских семинаров кафедры общей теории словесности (дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Основное содержание работы

Во **Введении** формулируются основные положения исследования, определяются его актуальность и новизна, формулируются цели и задачи, оговариваются теоретическая и методологическая основа, материал, уточняются методы научных поисков и описывается структура диссертации.

В *первом разделе* теоретической главы «**Становление литературного жанра: возможности описания и исследования**» предлагается обзор общих направлений жанрологии – рассматриваются сильные стороны *эссенциалистского, структурного и прагматического подходов* и налагаемые каждым из них ограничения.

Ж.-М. Шеффер, во многом следуя Ж. Женетту, описывает развитие жанрологической мысли как движение от нормативной установки, господствовавшей до конца XVIII века, когда ее сменила эссенциалистская парадигма (в свою очередь доминировавшая до конца XIX века), к структурной, получившей широкое распространение к середине XX века⁶. Эссенциалистский и структурный подходы обращены к внешним (синтаксическим) и внутренним (семиотическим) аспектам литературы. Наряду с ними, однако, актуален и уровень *прагматики*, в рамках которого художественное произведение рассматривается как особого рода дискурс, или коммуникативное событие.

Истоки прагматического подхода обнаруживаются уже в работах М.М. Бахтина, в частности в книге «Проблема речевых жанров» (1953). В дальнейшем базовой категорией этого направления исследований становится дискурс, подразумевающий в формулировке В.И. Тюпы «любое высказывание, рассматриваемое как конфигурация коммуникативных инстанций субъекта, объекта и адресата»⁷. Дискурсологическая трактовка жанра актуализируется в теоретических разработках Н.Л. Лейдермана и В.И. Тюпы. Лейдерман в монографии «Теория жанра» (2010) выделяет три уровня локализации жанровых сигналов: план содержания, план структуры и план восприятия, во многом соответствующие триаде дискурс-анализа⁸. В работе «Дискурс и жанр» (2013) В.И. Тюпа актуализирует вопрос о жанровой динамике и говорит о необходимости выявления протолитературных «первофеноменов»⁹. В рамках прагматики, работающей с коммуникативным аспектом литературы, жанр понимается как категория, которая реализуется только в своей адресованности аудитории.

⁶ Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? М., 2010. С. 25.

⁷ Тюпа В.И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. М., 2010. С. 79.

⁸ Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. С. 87.

⁹ Тюпа В.И. Дискурс и жанр. М., 2013. С. 45.

Проблема восприятия (популярной) литературы в жанрологическом аспекте активно разрабатывалась представителями немецкой школы рецептивной эстетики, при этом особое внимание они уделяли фигуре наивного читателя, в восприятии которого литературный текст и получает свое значение. В программной работе «Теория жанров и средневековая литература» (1972) Х.-Р. Яусс предложил изучать жанр как историческое единство, внутри которого выделяется оформляющая его доминанта («жанровая доминанта») или система доминант. Успешность акта чтения обусловлена знанием жанровых «маркеров», совокупность которых формирует «горизонт ожиданий» в сознании читателя.

Радикально субъективистское понимание природы жанра в рамках рецептивной эстетики обуславливает проблематичность его изучения. Попытки избежать субъективизма предпринимались через анализ чтения как социальной практики. В этом случае жанр рассматривается как дискурсивное, социо-риторическое действие, обусловленное набором коммуникативных целей, а «адресант» и «адресат» литературного высказывания – как представители узнаваемого *дискурсивного сообщества*. Жанр предстает медиатором между текстом и контекстом, одновременно реагирующим на повторяющуюся ситуацию и регулирующим ее. Помимо понятия «дискурсивное сообщество» (и его небуквальных аналогов: «воображаемое сообщество» Б. Андерсона, «интерпретативное сообщество» Ст. Фиша и др.), в современной гуманитарной науке активно используется понятие «*дискурсная/дискурсивная формация*», представляющая собой (в определении В.И. Тюпы) «культурообразующую организацию коммуникативного пространства социальной жизни посредством архитектурной конфигурации метасубъекта, метаобъекта и метаадресата всех дискурсов, возможных в рамках данной формации»¹⁰. Оба эти понятия уже отчасти опробованы как инструменты исследования процессов жанрогенеза, но работа в этой области началась недавно, и перспективы ее гораздо богаче уже достигнутых результатов.

Второй раздел теоретической главы посвящен обзору многочисленных попыток поставить и решить проблему жанра в рамках фантастоведения. Они предпринимались, как в случае с «большой» литературой, в рамках эссенциалистского, структурного и прагматического подходов.

С позиций *эссенциализма* история фантастики может быть представлена в виде поиска имманентного жанру формально-содержательного ядра. Фантастовед Дарко Сьювин, например, выделил в качестве определяющего признака научной фантастики сочетание когнитивного острашения (как основы для построения мысленных экстраполяций) и радикальной технической

¹⁰ Тюпа В.И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. М., 2010. С. 97.

инновации, или, пользуясь терминологией ученого, «новума»¹¹. Это определение открыло широкие возможности для описания истории жанра и помогло связать культурную традицию научной фантастики с традицией «большой» литературы, увидеть корни жанра в литературе европейского романтизма, эпохи Возрождения и даже Античности¹². Заслуга эссенциалистского подхода и в западном, и в отечественном фантаствоведении состоит в том, что он помог вывести жанр из литературного «гетто», легитимизировать его художественную ценность в академическом сообществе, описать общие направления и течения в истории жанра, а также сформулировать список текстов, составляющих жанровый канон. Однако природа жанра при этом трактуется расширительно, а из-за того, что линии развития научной фантастики и «большой» литературы во многом сливаются, специфика жанра перестает быть очевидной.

Основные положения *структурного подхода* были сформулированы писателем и теоретиком С. Лемом в статье «О структурном анализе научной фантастики» (1973)¹³. Полемизируя с положениями Ц. Тодорова, высказанными в книге «Введение в фантастическую литературу», Лем сущность жанра усматривает в его особой языковой модальности. Ряд современных западных теоретиков (Б. Лэндон, К. Фридман и др.) склонны, вслед Лему, прочитывать научную фантастику как «развоплощенную» (буквально понятую) метафору. В отечественном фантаствоведении структурный подход разрабатывается в книгах Т. А. Чернышевой «Природа фантастики» (1984) и Е.Н. Ковтун «Поэтика необычайного» (1999). Структурный подход предлагает адекватный инструментарий для пристального жанрового анализа. Однако некоторая ограниченность подхода связана с тем, что культурологический и социологический аспекты бытования жанра исключаются из проблемного поля. Именно они оказываются в центре внимания в рамках *прагматического подхода*, сосредоточенного на жанровом имени как объекте манипулирования в сообществах пишущих и читающих.

Фантастоведеды, исследующие «свой» жанр в прагматическом аспекте, предлагают различать произведения, получившие обозначение «научная фантастика» уже в момент публикации, по воле самого автора или издателя, и произведения, получившие это жанровое

¹¹ *Suvin D. Cognition and Estrangement: An Approach to the Poetics of the Science Fiction Genre // Foundation. 1972. № 2. P. 6-17; Suvin D. Radical Rhapsody and Romantic Recoil in the Age of Anticipation: A Chapter in the History of SF // Science Fiction Studies. 1974. Vol. 1. № 4. Autumn. P. 255-269.*

Жанровое определение Д. Сьювина, хотя и было предложено уже почти 40 лет назад, продолжает оставаться актуальным и обращает на себя внимание современных ученых, дополняющих и наново переопределяющих его (см., к примеру: *Головачева И.В. О соотношении фантастики и фантастического // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2014. Вып. 1. С. 33-42).*

¹² В этом ключе выполнены работы многих исследователей истории научной фантастики: Г. Гуревич (1967), Б.В. Ляпунов (1969), А.Ф. Бритиков (1970), Брайан Олдисс (1973), Эверетт и Ричард Блейеры (1990), Пола Алкон (2002), Брайан Стэйблфорд (2003), Томас Кларсон (2004), Джордж Слассер (2005), Адам Робертс (2005), Г. Прашкевич (2007), С. Соболев (2012).

¹³ *Lem S. On the Structural Analysis of Science Fiction // Science Fiction Studies. 1973. № 1. Vol. 1. P. 26-33.*

обозначение в процессе их рецепции читающей публикой и критиками. Г. Уэстфал предлагает связать точку зарождения жанра с моментом смычки жанрового имени и определяемых им текстов. В этой логике научная фантастика «начинается» с изобретения жанрового имени «*science fiction*» (автор говорит об американской традиции)¹⁴. Критики отмечают, впрочем, что подход Уэстфала грешит редукционизмом, хотя бы потому, что исключает из истории научной фантастики и Уэллса, и Верна и многих других авторов¹⁵.

Иначе прагматику жанра или прагматику жанрового имени рассматривает другой западный теоретик – Дж. Ридер. Жанровое имя и определяемое им содержание (научно-фантастический дискурс) предстают инструментами коммуникации в рамках сообщества или сообществ, участники которых самоопределяются через жанр, поскольку разделяют общее знание о референтах жанрового имени¹⁶. Предметом анализа становятся не реальные, так или иначе институционализированные сообщества авторов и читателей научной фантастики, но сообщества дискурсивные, объединенные единством используемых механизмов коммуникации и внутреннего взаимодействия.

Очевидно, что проблематика сообществ в связи с проблематикой жанра и жанрогенеза требует дальнейшей разработки, теоретической и практической, с опорой на разный литературный и культурный материал. Опыт такой разработки предлагается во второй главе диссертации.

Во второй главе «Лаборатория жанра: дискурсивное сообщество как фактор становления популярного жанра» рассматривается опыт использования термина «дискурсивное сообщество» в современной гуманитарной науке и возможности применения этого аналитического инструмента в теоретико-литературных и историко-литературных исследованиях жанрогенеза. В качестве примера рассматривается взаимосвязь между процессом формирования жанра научной фантастики в России рубежа XIX-XX веков и становлением поддерживающих его дискурсивных сообществ. Институциональным каркасом последних послужили профессиональные и любительские научные общества, возникавшие в этот период на базе литературных и научно-популярных журналов, в частности журналов издательства П.П. Сойкина.

В первом разделе второй главы мы проблематизируем понятие дискурсивных сообществ. В понимании Суэйлза дискурсивное сообщество – социо-риторическая сеть, участники которой объединены общими коммуникативными целями и используют жанры для

¹⁴ Westfahl G. The Mechanics of Wonder. Liverpool, 1998. P. 19.

¹⁵ См. об этом, в частности: Kincaid P. What Is It We Do When We Read Science Fiction? Harold Wood, 2008. P. 3-12.

¹⁶ Rieder J. On Defining SF, or Not: Genre, SF, and History // Science Fiction Studies. 2010. Vol. 37. № 2. 2010. P. 191-209.

их достижения. Дифференцируя эту категорию от параллельно используемых в гуманитарных науках понятий «воображаемое сообщество», «интерпретативное сообщество», «текстовое сообщество», «дискурсивная формация» и др., Суэйлз определяет дискурсивное сообщество как совокупность воспринимающих и коммуницирующих сознаний. Члены такого сообщества обладают единым репертуаром жанров дискурса, понимаемых как система речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей. Иными словами, задачи дискурсивного сообщества и репертуар используемых им жанров взаимосвязаны.

Во *втором разделе второй главы* мы рассматриваем профессиональные и любительские сообщества в России рубежа XIX-XX веков как дискурсивные. Традиционно научные общества и кружки формировались вокруг институтов и лабораторий, предоставляющих участникам доступ к научным библиотекам и оборудованию. Напротив, дискурсивные сообщества формируются на медийной основе – сотрудничестве с журналами и издательствами. Появление научных обществ в России неразрывно связано с произошедшим в этот период взлетом общей заинтересованности в современном научно-техническом прогрессе, в новейших открытиях в области астрономии и астрофизики. На протяжении многих веков естественная наука в России оставалась занятием элитарным (что связывалось, прежде всего, с отсутствием открытого доступа к научным библиотекам и лабораторному оборудованию), однако уже с середины XIX века начинают возникать профессиональные и любительские научные общества, основная деятельность которых направлена на организацию публичных лекций и выпуск научно-популярных периодических печатных изданий.

Профессиональные общества организовывались в основном вокруг институций и обсерваторий, дававших доступ к специальному оборудованию. В то же время возникали и полупрофессиональные научные кружки, создававшиеся по личной инициативе отдельных ученых и преподавателей. Так, в 1891 году профессор С.П. Глазенап открывает первое государственное общество по изучению астрономии «Русское астрономическое общество» (РАО). Первое любительское астрономическое общество – «Нижегородский кружок любителей физики и астрономии» – было открыто в 1888 году в мужской гимназии на базе уроков по физике учителя С.В. Щербакова. Подобные общества и кружки стали появляться и в других городах. Так, в 1909 году в Петербурге было сформировано «Русское общество любителей мироведения» (РОЛМ), возникшее по инициативе философа и политического деятеля Н.А. Морозова. Деятельность РОЛМ опиралась на гибкий, подвижный институциональный фундамент – научно-популярные журналы и журналы популярной литературы. В рамках этого сотрудничества реализовывались **коммуникативные цели общества, как эксплицитные, так и имплицитные.**

В уставах научных обществ эксплицитные цели формулировались по-разному, однако общий посыл был схожим – **распространение научного знания и приобщение населения к самообразованию в области современного технического прогресса**. В уставе «Русского общества любителей мироведения» (РОЛМ) задача определяется как **воспитание «мироведа»**. Один из членов обществ Д. Святский представлял «мироведа» человеком нового типа *«с широким кругозором на мир, стремящегося охватить в своем сознании всю вселенную, от далеких от нас миров, но связанных единым законом всемирного тяготения и химического родства, до понимания нашей планеты, как целого организма с его атмосферой, гидросферой, литосферой и биосферой»*¹⁷. Поставленные задачи решались в рамках тесного сотрудничества научно-популярных обществ и издательских домов. В данном диссертационном исследовании рассматривается сотрудничество РОЛМ и издательства П.П. Сойкина. Один из активных членов общества мироведов, популяризатор науки Я.И. Перельман был постоянным автором журналов П.П. Сойкина и ответственным редактором журнала «Природа и люди»; работы астрономов В.В. Шаронова и К.Д. Покровского выходили в издательстве П.П. Сойкина, а сам Шаронов был к тому же редактором секции по астрономии журнала Сойкина «Вестник знания»; постоянными авторами журналов Сойкина, авторами публицистических очерков естественнонаучного, этнографического, биографического содержания были Д.О. Святский, С.П. Глазенап, Н.А. Морозов.

Первый самостоятельный проект П.П. Сойкина – журнал «Природа и люди» (1889-1917) – возник как реакция издателя на недостаток на книжном рынке общедоступных научно-популярных изданий. К концу XIX века издатели могли предложить аудитории немало образовательных публикаций, однако их содержание и риторика были ориентированы больше на профессиональных читателей. Журналы издательства Сойкина обеспечивали циркуляцию научных знаний между средой ученых-профессионалов и сообществами любителей науки. Журналом решалась, таким образом, значимая **(эксплицитная) социально-просветительская задача**.

В то же время в качестве инициаторов определенного вида дискурса организаторы РОЛМ решали и **(имплицитную) задачу** по воспитанию у читателей *особой модальности литературного чтения*. Научные открытия рубежа веков нередко воспринимались публикой как фантастические, под стать выдумкам романистов: к примеру, читатели имели столько же шансов узнать о жизни на Марсе из фантастического романа, сколько и из научной статьи. Неопытные читатели часто путали научный факт с художественным вымыслом, и в этой

¹⁷ Святский Д.О. Мироведение и краеведение // Природа и люди. 1927. Вып. 1. С. 2.

ситуации авторы и издатели журналов видели свою миссию не только в просвещении аудитории, но и в преподнесении ей «уроков» литературного чтения.

В *первом разделе* третьей главы «Уроки литературного чтения: формирование жанрового хронотопа» проблема «низового» жанрового поиска ставится в связь с культурой, точнее, культурами чтения, распространенными в разных сегментах российского общества. В России после реформ 1861 года отмечался общий рост грамотности (благодаря открытию сельских школ, библиотек для чтения и т.д.), но большую часть новограмотного населения составляли сельские жители (бывшие крестьяне) и фабричные рабочие, у которых не была развита привычка обращаться к книге как к источнику эстетического удовольствия. Для многих чтение являлось «прикладным» навыком, необходимым для относительно успешной коммуникации с местным административным аппаратом и властными инстанциями¹⁸. Альтернативу чисто функциональному чтению для этой публики составляло чтение периодических печатных изданий: делая ставку на увлекательное и сенсационное содержание, журналы побуждали читателей прочитывать каждый выпуск целиком и притом пользоваться навыками чтения с четко заданной периодичностью (еженедельно, ежеквартально, ежемесячно). Таким образом, журналы воспитывали необходимый для самообразования навык систематического чтения, но одновременно и параллельно – навык восприятия литературной условности.

Во *втором разделе* третьей главы на примере журнала «Природа и люди» издательства П.П. Сойкина мы рассматриваем некоторые тактики воспитания навыков чтения, взаимосвязанных с навыками письма, предопределившими формирование новой жанровой формации.

Журнал выходил еженедельно с 1889 по 1917 год. Каждый выпуск состоял из нескольких отделов: историко-библиографического, художественного, географо-этнографического и научного. Последний, по плану издателя, включал «краткие популярные очерки по всем отраслям естествознания» в сопровождении чертежей, планов и рисунков. Совмещение научного и художественного материала поддерживалось использованием общих повествовательных приемов. Научно-популярный текст нередко представлял собой увлекательное, остросюжетное повествование с четко выраженным протагонистом и интригой. Ярким примером может послужить опубликованная на страницах журнала в апреле 1889 года биография Карла Линнея. Помимо традиционных для биографии ученого компонентов (рассказ о научных открытиях и свершениях), текст включает элементы литературной остросюжетности:

¹⁸ Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 20.

«13 мая 1732 г. юный натуралист, пешком, без спутников, отправился в путешествие. <...> Так раз он собирал в горах растения. Вдруг раздался выстрел, и пуля прожужжала мимо самого уха Линнея. Ошеломленный ботаник обернулся и, увидев убийцу, с ножом в руках бросился на него»¹⁹. Данный пример наглядно демонстрирует процесс качественной трансформации научно-информативного текста за счет привнесения в него эстетического компонента, что задает вектор жанровой динамики.

Соположение на страницах журнала «Природа и люди» текстов художественного, естественнонаучного и публицистического характера было связано с решаемой издателями просветительской задачей. Так, читатели могли насладиться фантастическим романом о полете в космос, о мире микроорганизмов или о существовании жизни на Марсе, а из расположенного рядом же научно-популярного текста узнать, действительно ли и в какой мере все эти сюжеты соотносимы с фактами, установленными современной наукой. Такой подход воспитывал особую *модальность литературного чтения*, особый тип *воображения* как посредующее звено между художественным вымыслом и научным знанием.

Я.И. Перельман, один из ведущих популяризаторов науки начала XX века в России и «по совместительству» один из «учителей» школы литературного чтения, высоко ставил «научное воображение» как особый модус восприятия и интерпретации текста. «Ни одного шага не делает наука без воображения; она постоянно питается плодами фантазии, но фантазии научной, рисующей воображаемые образы со всей возможной тщательностью и отчетливостью»²⁰, – писал Перельман. В сочетании полета фантазии с «тщательностью и отчетливостью» проработки деталей он видел залог оригинальности нового (пока безымянного) модуса письма, рождавшегося, в том числе, и под его пером. В рассказе «Завтрак в невесомой кухне» (1914) Перельман берется исправить фрагмент из романа Ж. Верна «Вокруг Луны» (1869), а именно сцену завтрака героев в ракете, как если бы Верн мог учесть достижения позднейшего технического прогресса. Не отрицая скрупулезности Верна в проработке деталей, Перельман настаивает, что, «подробно рассказывая о жизни пассажиров внутри летящего ядра, Жюль Верн упустил из виду, что пассажиры, как и вообще предметы внутри каюты, во все время путешествия *были абсолютно невесомы!*»²¹ Исправляя текст Верна, Перельман подробно останавливается на описании газовой горелки. Она по законам физики просто не могла функционировать в космическом снаряде, и у Перельмана это обстоятельство обыгрывается следующим образом: «Ардан возился вокруг горелки, терпеливо нянчился с пламенем, – но хлопоты не приводили ни к чему: пламя положительно отказывалось гореть». Этому факту

¹⁹ Природа и люди. 1889. № 4. С. 61.

²⁰ Перельман Я.И. Путешествия на планеты. Пт., 1919. С. 37.

²¹ Перельман Я.И. Завтрак в невесомой кухне // Природа и люди. 1914. № 24. С. 381.

дается далее развернутое объяснение устами одного из персонажей: «При горении, как ты знаешь, образуется углекислота, водяной пар – словом, негорючие газы; но обыкновенно эти продукты не остаются возле самого пламени, а как более теплые и, следовательно, более легкие, поднимаются выше, на их место притекает чистый воздух. Но у нас здесь нет тяжести, и продукты горения остаются на месте своего возникновения, окружая пламя слоем негорючих газов, и преграждают доступ свежему воздуху. Оттого-то пламя здесь так тускло горит и так быстро гаснет»²². Автор обращается к тексту Верна как читатель и одновременно как равноправный придирчивый со-автор. Такое сочетание готовности на фантастическое допущение с придирчивым формализмом стало определяющим для формирующейся жанровой дифференциации.

Природу искусства вообще и литературы в частности английский поэт-романтик С.Т. Кольридж в свое время резюмировал в часто цитируемом принципе «временного отказа от недоверия»²³. Теоретик и семиолог Ц. Тодоров уже много позже высказывался на ту же тему сходным образом и видел в литературе текст, не проверяемый на достоверность: «Отличительная особенность литературного дискурса заключается в том, что составляющие его предложения не являются ни истинными, ни ложными, но создают представление о вымышленной действительности»²⁴. Перельман в приведенном выше примере как раз настаивает на необходимости истинности/достоверности в определенных рамках, на необходимости доверия к научному факту или технической возможности как референту описания, даже при явной фантастичности последнего. Доверие такого рода воспринимается как обязательная составляющая практики чтения – в рамках становящегося жанрово-коммуникативного «пакта».

Третий раздел третьей главы посвящен формированию на страницах журнала П.П. Сойкина художественного *хронотопа*, получающего впоследствии название «научно-фантастический». Во втором номере журнала «Природа и люди» за 1894 год в обращении к читателям Сойкин определяет программу журнала, а также задает систему координат современного научного знания – это топос в его протяженности от мира микроорганизмов до небесных сфер и хронос, длящийся из прошлого в будущее. Такое описание системы знания, объединенной в единый хронотоп, понятый как «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом»²⁵, несомненно, перекликается с системой знаний, как она формулировалась обществом мироведов. Журнальные тексты, дающие возможность

²² Там же. С. 382.

²³ Кольридж С.Т. Избранные труды. М., 1987. С. 99.

²⁴ Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М., 1983. С. 358.

²⁵ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 121.

читателям совершать путешествия в космос и в мир микроорганизмов, представляли ансамбль материалов, создающий образ вселенной, как бы рассматриваемой через линзы различной силы. Поочередная смена телескопа на микроскоп создавала у читателей иллюзию непосредственного наблюдения и конкретности наблюдаемых фактов, при всей фантастичности допущений.

Отчетливо идея о взаимосвязи между микро и макромирами проговаривается в романе химика-практика В. Орловского «Бунт атомов» (1927), опубликованного в журнале «Мир приключений», ежемесячном альманахе популярной приключенческой литературы, так же выходившем в издательстве П.П. Сойкина. Герой романа открывает способ высвобождения энергии распада атомов азота. Однако в ходе эксперимента энергия в форме светящегося шара, сжигающего все на своем пути, вырывается из-под контроля ученого. К счастью, ему удастся остановить шар и с помощью сильного магнита запустить его в космос. Повествовательный вектор романа – перерастание бурления атомов в «бунт» науки против ученого, спасение и избавление от того и другого обнаруживаются в пространстве космоса.

Осмысление современности в рамках анализируемого журнального дискурса не ограничивалось построением и исследованием пространственной вертикали, связующей микро- и макровселенные. Пространство будущего также становилось предметом размышлений авторов журналов П.П. Сойкина. Художественные публикации в журналах были плодотворной почвой для создания мысленных экстраполяций современного состояния науки в будущее. К примеру, роман Ле Фора «Путешествие на Луну», открывавший первый выпуск журнала «Природа и люди» за 1889 год, использовался авторами журнала как основа для футурологического прогнозирования и моделирования образа возможного будущего²⁶.

Формирование художественного хронотопа, пока еще не обретшего имени, – один из этапов процесса формирования жанра научной фантастики. Обретение хронотопом имени, т.е. институционализация стихийно возникшего словосочетания как жанрового обозначения, завершает процесс жанрообразования.

В четвертой главе «Обретение имени: механизмы жанровой номинации» описывается и анализируется процесс появления и институционализации жанрового имени научной фантастики. Жанровая номинация понимается как включение текста в или исключение его из жанра через применение к нему того или иного жанрового имени.

В первом разделе четвертой главы мы, вслед за Шеффером, разграничиваем ретроспективную и историческую жанровые номинации²⁷. ***Ретроспективная жанровая***

²⁶ См., к примеру: Елагин Л. Пища будущего // Природа и люди. 1895. №30. С. 478.

²⁷ Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? М., 2010. С. 145-153.

номинация служит риторическим действием, помещающим произведение или группу произведений, обладающих формально-содержательными признаками жанра, в общий жанровый контекст. Так, романы Ж. Верна или Г. Уэллса современными исследователями рассматриваются как научно-фантастические, хотя в момент публикации они сопровождались другими жанровыми именами и представляли иные жанровые традиции. **Историческое жанровое обозначение** сопровождает текст в момент его публикации и атрибутируется ему автором или издателем.

Изучение ретроспективной и исторической жанровых номинаций предполагает установление логик включения – или исключения – определенного текста в ряд других текстов, разделяющих одно жанровое имя. Институционализация исторического жанрового имени представляет движение от «стихийно» возникающего словосочетания (в частности, «научно-фантастический») к формированию осознанных референциальных связей между жанровым именем и корпусом текстов.

Далее, **во втором разделе четвертой главы** мы рассматриваем два примера исторической жанровой номинации – англоязычный («science fiction») и русскоязычный («научная фантастика»). Термин «*scientifiction*», ставший со временем привычным «*science fiction*», был предложен и определен американским издателем и писателем Хьюго Гернсбеком в 1926 году в первом номере его журнала «Удивительные истории» («Amazing Stories»). Гернсбек применил это обозначение к произведениям Верна, Уэллса и По, указывая тем самым на их способность транслировать аудитории научные знания в развлекательной манере, а также вдохновлять читателей на личное изобретательство. Позже Гернсбек пишет свою «историю» жанра «science fiction», в которую он ретроспективно включает и ряд классических произведений европейской литературы. Преследуемая издателем цель – легитимизировать жанр, связать его с культурным прошлым «большой» литературы и в то же время сформулировать жанровый канон.

Институционализация обозначения «научно-фантастический» в России происходила с начала 1910-х по конец 1920-х годов на страницах журнала П.П. Сойкина «Мир приключений». В указанный период это словосочетание начинает появляться в качестве подзаголовка литературных произведений, а также используется отдельными агентами литературного процесса (Я.И. Перельманом, А.Р. Беляевым, Е.И. Замятиным). Традиционно первое употребление словосочетания в качестве жанрового обозначения приписывается Перельману – автор использовал его как подзаголовок к рассказу «Завтрак в невесомой кухне» (1914). Однако, как было обнаружено в ходе исследования, это обозначение впервые используется еще раньше – оно появляется в № 9 журнала «Мир приключений» за 1910 год применительно к

роману Г. Уэллса «Первые люди на Луне»²⁸. С этого момента практика обозначения произведений Уэллса как «научно-фантастических» приобретает регулярный характер и продолжается вплоть до закрытия журнала в 1917 году. Парадоксальным образом, английского писателя Уэллса можно считать первым автором научной фантастики в России.

Практика стихийного «изобретения» жанровых обозначений широко применялась на страницах популярных журналов: «рассказ-загадка», «научная поэма», «завтрашняя повесть» и др. Наименование «научно-фантастический» возникло случайно в этом же ряду, но, оказавшись удачным по отношению к произведениям Уэллса, закрепилось. Обнаруживаются и другие примеры употребления обозначения «научно-фантастический» – к примеру, в биографических работах Перельмана о К.Э. Циолковском²⁹. Перельман настаивает на том, что «научно-фантастическим» может именоваться художественный текст, который выполнен по правилам научной гипотезы и соответствует современному научному знанию. А.Ф. Бритиков пишет о любопытном споре, возникшем между Перельманом, Циолковским и А.Р. Беляевым по поводу романа последнего «Прыжок в ничто». Перельман, критикуя роман, обвинял писателя в ненаучности и в отсутствии упоминания последних разработок в области космических перелетов немца О.В. Гайля. Забавным образом на защиту Беляева встал сам Циолковский, заметив, что упоминаемые Перельманом разработки вовсе не являются последним словом науки, а заимствованы немецким ученым из его собственных более ранних работ³⁰.

Заметное влияние на расширение контекста употребления термина «научно-фантастический» оказала небольшая работа Е. Замятина «Герберт Уэллс» (1922), в которой автор рассматривает научную фантастику в контексте западноевропейской литературы научно-фантастического профиля, включающей, в частности, произведения Ф. Бэкона, Дж. Свифта и др., а также перечисляет современных ему отечественных авторов научной фантастики (А.Н. Толстой, А.И. Куприн и др.). Завершающим этапом институционализации жанрового имени стала писательская деятельность А.Р. Беляева, активно сотрудничавшего в 1920-30-е годы с журналом «Всемирный следопыт», который регулярно публиковал произведения автора с подзаголовком «научно-фантастический». В результате у этого издания сложилась репутация специализированного журнала научной фантастики, что и было отражено в его официальном названии.

²⁸ Об истории обозначения «научно-фантастический» на страницах журналов П.П. Сойкина см.: *Зубов А.А.* Научная фантастика на страницах русских популярных журналов начала XX века // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Материалы XX-XXI Международных конференций студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»: Секция «Филология». М., 2015. С. 450-454.

²⁹ *Перельман Я.И.* Циолковский. Жизнь и технические идеи. М., 1937. С. 51-57.

³⁰ *Бритиков А.Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С. 123-127.

В *третьем разделе четвертой главы* мы предлагаем проследить логику ретроспективной жанровой номинации и рассмотреть тексты, которые сейчас рассматриваются в контексте научной фантастики, хотя в момент публикации таковыми не считались. В качестве примера мы предлагаем анализ произведений, разрабатывающих сюжет о путешествии на Марс, в настоящее время безусловно считающийся научно-фантастическим. Отдельного внимания заслуживает исторический контекст вхождения планеты Марс в поле внимания популяризаторов науки и писателей. Открытие в конце XIX века американским астрономом Персивалем Лоуэллом «жизни» на Марсе определило представление людей о жизни на других планетах, а также на долгое время сделало Марс постоянным местом действия научно-фантастических повествований.

Открытие Лоуэлла было активно воспринято и русским научным и научно-просветительским сообществом, а работы русских ученых о Марсе становились источником дискурсивной грамотности для писателей³¹. Под воздействием работ Лоуэлла постоянным топом марсианского дискурса стали обнаруженные ученым на поверхности планеты искусственные каналы. Писатели же, используя эти сведения как базу и достраивая свои образы, объясняли происхождение и назначение каналов. Н. Муханов, автор романа «Пылающие бездны» (1924), утверждает, что марсианская цивилизация развивается в недрах планеты, испещренной каналами, которые служат водными транспортными путями, а также питают энергией всю планету. Этот мотив находит свое воплощение и в романе «Аэлита» (1922) А.Н. Толстого наряду с другим повторяющимся мотивом «дискурса Марса» – упоминанием о радиосигналах, посылаемых с этой планеты на Землю.

Хотя для современных исследователей «марсианские» романы (Толстого и Муханова) безусловно принадлежат жанру научной фантастики, в момент публикации они не сопровождались обозначением «научно-фантастический». Это говорит о существовании в начале XX века особых, отличных от современных нам, логик атрибуции жанрового имени. Содержание понятия стало результатом совместной творчески-продуктивной деятельности внутри сообщества популяризаторов и любителей науки. На этом примере становится очевидным, как закрепление за хронотопом жанрового имени является одновременно кульминацией и завершением процесса жанрогенеза.

В **заключении** подводятся итоги исследования и формулируются выводы. В рамках данного диссертационного исследования был проведен анализ процессов формирования жанра популярной литературы на примере жанра научной фантастики в России в конце XIX – начале

³¹ В 1910-1930-е годы активно издавались научные и научно-популярные работы о планете Марс и ее «обитателях»: В.В. Шаронов «Марс в свете новейших исследований» (1926), В. Стовичек «Загадочная планета. (Марс)» (1925), Я.И. Перельман «Далекie миры» (1919), Н.А. Рынин «Межпланетные сообщения» (1928-1932).

XX века с позиций прагматически ориентированной жанрологии. В ходе исследования мы обнаружили, что в России питательной средой формирования научной фантастики стало дискурсивное сообщество, организованное вокруг научно-популярных журналов. Раскрывая методологические преимущества прагматической теории жанра (сравнительно с эссенциалистской и структурной), мы должны отметить и ее методологические ограничения, выражая надежду, что предложенная в работе аналитическая матрица может оказаться полезной для дальнейшего изучения процессов становления жанров популярной литературы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в пятнадцати публикациях, четыре из которых размещены в изданиях, рецензируемых ВАК:

1. **Фантастоведение и теория жанров // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2016. Том 158, Кн. 1. – [в печати].**
2. **Парадоксы фантастики // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 351-358.**
3. **Жанр как диалог: современная теория жанров // Новое литературное обозрение. 2012. № 118. С. 339-349.**
4. **Топографический поворот: исследования о времени и пространстве в спекулятивной фантастике // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 311-319.**
5. Аспекты фантастоведения: от исторической поэтики к прагматике жанра // [Электронный ресурс] Студенческий научный журнал «Грани науки». 2015. Т. 3. № 3. С. 6-10. Режим доступа – <http://www.graninauki.ru/>. – ISSN 2310-2489.
6. Predestination // Science Fiction Research Association Review. 2015. № 314. P. 45-46.
7. Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction // Science Fiction Research Association Review. 2015. № 314. P. 30-31.
8. The Signal // Science Fiction Research Association Review. 2015. № 312. P. 36-37.
9. Научная фантастика на страницах русских популярных журналов начала XX века // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Материалы XX-XXI Международных конференций студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2015. С. 450-454.
10. Вербальная и визуальная репрезентация научно-технической утопии в жанре научной фантастики в России конца XIX – начала XX вв. // Стратегии вербализации социокультурных практик (сб. научных трудов). Казань, 2012. С. 36-54.

11. Хайнлайн идет в кино // [Электронный ресурс] Территория Л. (Ежемесячная библиотечная газета о молодежи и для молодежи). 2016-02-08. Режим доступа – <http://gazeta.rgub.ru/?p=2755>.
12. «Странный» Аластер Рейнольдс // [Электронный ресурс] Территория Л. (Ежемесячная библиотечная газета о молодежи и для молодежи). 2015-11-06. Режим доступа – <http://gazeta.rgub.ru/?p=2172>.
13. Вор – новый герой фэнтези // [Электронный ресурс] Территория Л. (Ежемесячная библиотечная газета о молодежи и для молодежи). 2015-09-05. Режим доступа – <http://gazeta.rgub.ru/?p=1737>.
14. Марсианская робинзонада Энди Вейера // [Электронный ресурс] Территория Л. (Ежемесячная библиотечная газета о молодежи и для молодежи). 2015-07-06. Режим доступа – <http://gazeta.rgub.ru/?p=1249>.
15. Мир фантастических наград // [Электронный ресурс] Территория Л. (Ежемесячная библиотечная газета о молодежи и для молодежи). 2015-05-06. Режим доступа – <http://gazeta.rgub.ru/?p=787>.